

Аркадий СТРУГАЦКИЙ

ПОДРОБНОСТИ ЖИЗНИ НИКИТЫ ВОРОНЦОВА

- Это не мысли, - отвечает художник, - это мимолетные настроения. Вы сами видели, как они рождались и как исчезали. Такими мыльными пузырями, как эти настроения, можно только удивлять и забавлять глупых ребятишек, вроде вашей милости.

Д.И.Писарев.

ХОЛОСТЯЦКИЙ МЕЖДУСОБОЙЧИК

Так случилось, что дождливым июньским вечером одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года на квартире довольно известного в Отделе культуры ЦК писателя Алексея Т. загремел телефонный звонок. Взяв трубку, Алексей Т. к удовольствию своему обнаружил, что звонит стариннейший его приятель, ныне уже следователь городской прокуратуры Варахасий Щ. Между ними произошел примерно следующий разговор.

После обмена обычными, не очень пристойными приветствиями, восходящими к студенческим временам, Варахасий спросил:

- Твои еще на юге?

- Через неделю возвращаются, - ответил Алексей. - А что?

- А то! Я своих баб тоже в Ялту отправил. Три часа назад. Может, повидаемся? Холостяцкий междусобойчик, ты да я. Тряхнем стариной?

- Прямо сейчас?

- А чего ждать? Случай-то какой!

Алексей Т. оглянулся на распахнутое окно, за которым с низкого от туч неба лило, плескало и рушилось.

- Случай - это, конечно, да, - сказал он. - Только льет же ливня... И в дому у меня хоть шаром покати, а магазины уже...

- Ни-ни-ни, - закричал Варахасий. - У меня все есть! Гони прямо ко мне! И не бойсь, не растаешь...

Так они сошлись на кухне в уютной трехкомнатной квартире в Безбожном переулке, и раскрыты были консервы (что-то экзотическое в томате и масле), и парила отварная картошка, и тонкими лепестками нарезана была салями финского происхождения, и выставлены были две бутылки "Пшеничной" с обещанием, что ежели не хватит, то еще кое-что найдется... Что еще надо старым приятелям? Так это в жилу иногда приходится - загнать жен с детишками на лазурные берега, а самим слегка понежиться в асфальтово-крупноблочном раю.

После первой об этом поговорили писатель Алексей Т. с мокрыми волосами и в варахасинском халате на голое тело и следователь Варахасий Щ. в шортах и распахнутой рубашечке, умиленно поглядывая друг на друга через стол под плески и прочие водяные шумы снаружи.

После второй, опустошив наполовину банку чего-то в томате и обмазывая маслом картофелину, Алексей Т. объявил, что вообще-то большинству людей вполне довлеет девятнадцатый век и даже восемнадцатый, а двадцатый век им непонятен и ужасен, они его просто не приемлют. Проглотив картофелину, он даже высказал предположение, будто бамовцы, что бы там ни говорилось, в сущности, в глубине души движутся теми же побуждениями, что казаки Ермака Тимофеевича и Семена Дежнева.

Хлопнули по третьей, и Варахасий признал, что в какой-то степени готов с этим согласиться. Он предложил взять хотя бы его тещу. Старуха пережила первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, разруху и голод, затем террор, затем Великую Отечественную и так далее. Она принадлежит к поколению, принявшему на себя всю тяжесть чудовищного удара двадцатого века. И конечно же, как ей понимать и как ей не ужасаться? Но с другой стороны...

После четвертой Варахасий предложил проиллюстрировать свою мысль наглядным примером и включил роскошный цветной телевизор, установленный на специальной подставке в углу кухни. По-видимому, давали что-то вроде

концерта зарубежной эстрады. Выступали немцы. Дюжина девиц в чрезвычайно сложно устроенных бюстгальтерах и в длинных панталонах с кружевами ниже колен размахивала ягодницами вокруг клетчатого молодого человека, распевавшего про любовь... Ах, это немецкое, неизбывное со времен Бисмарка, нагло-благонамеренное! Вертлявые девицы в панталонах и клетчатые пошляки, а за ними - мрачная харя под глубокой железной каской. Абахт! И выпученные солдатские зенки, как у кота, который гадит на соломенную сечку.

Алексей Т. зарычал от ненависти, и Варахасий торопливо выключил телевизор. Он признал, что этот пример неудачен, и открыл вторую бутылку. Но все равно, упрямо сказал он, много есть людей, которые живут и мыслят категориями двадцатого века, и таких становится все больше с каждым днем, и число их с приближением конца двадцатого века увеличивается по экспоненте... в общем, в геометрической прогрессии.

("По экспоненте, - выговорил наконец он, разливая по пятой. - Черт, я совсем нить потерял. О чем бишь мы?")

Держа перед собой стопку, как свечу, Алексей Т. мрачно провозгласил, что самое омерзительное в мире - это культ силы. Именно поэтому отвратителен оккупант. Шайка хулиганов, напавшая на улице на беззащитного прохожего, - это те же оккупанты. За их погибель! В утешение ему Варахасий сейчас же рассказал, как была ликвидирована хулиганская группа, долгое время бесчинствовавшая в Сокольниках, а Алексей Т., чтобы не ударить лицом в грязь, поведал Варахасию, как одного сотрудника Иностранной комиссии уличили в краже бутылок с банкетного стола.

Неудержимо надвигалась меланхолия, и после шестой Алексей Т. попросил Варахасия спеть. Варахасий отказываться не стал, спеть ему давно уже хотелось. Он сходил в кабинет за старой своей, испытанной семиструнной и сказал, усаживаясь поудобнее:

- Спою тебе новую. Месяц назад в компании один адвокат знакомый ее пел. Очень мне понравилась. Она по-украински, но все почти понятно. Вот послушай...

И он запел негромко низким приятным голосом:

Поспишаймо
Здалека в тот край,
Дэ умиють
Вично нас чэкаты...
Дэ б не був ты, дружэ,
Дэ б не був ты, дружэ,
Пам'ятай, пам'ятай:
Журавли - и ти лэтать до хаты!
Мы всэ ридшэ
Пышэмо лыс ты
И витаем
Поспи хом из святом.
А лита за намы,
А лита за намы -
Як мосты, як мосты,
По якым нам бильше не ступаты...

Странно хороша была эта песня, и чудилось в ней некое колдовство, но и слух у Варахасия был отменный, и гитара его звенела томительно-вкрадчиво, да и водяные шумы на дворе вроде бы попритихли. Алексей Т. кашлянул и попросил:

- Еще разок, пожалуйста...

Варахасий, усмехаясь, потянулся было к нему с бутылкой, но он помотал головой, накрыл свою стопку ладонью и повторил:

- Еще разок...

И спел Варахасий еще разок, а затем опять взялся за бутылку и взглянул на приятеля вопросительно, но Алексей Т. опять помотал головой и сказал:

- Пока не надо. Давай лучше чайком переложим.

Варахасий отложил гитару и поставил на плиту чайник. У Алексея же Т. стояли в глазах слезы, он хрипловато прокашлялся и произнес сдавленным голосом:

- Как это верно... "А лита за намы - як мосты, по яким нам бильше не ступаты..." И как это грустно, в сущности...

И ощутилось беспощадно, что им уже катит за пятьдесят и не вернуть больше молодой уверенности, будто все лучшее впереди, и пути их давно уже определились до самого конца, и изменить пути эти может не их вольная воля, а разве что мировая катастрофа, а тогда уже конец всем мыслимым путям. Грустно, конечно. Но с другой стороны - было время брать, настало время отдавать...

- Нэ журысь, - ласково сказал Варахасий. - Давай я лучше тебе твою любимую спою.

И спел он любимую и еще одну любимую, и "Кони привередливые" спел и "Подводную лодку", и спел "По смоленской дороге" и "Ваше благородие, госпожу Разлуку".

Потом они надувались крепчайшим чаем (оба признавали только крепчайший), и Алексей Т. рассказал о своих последних приключениях в отечественной литературе. Это было его сладостно-больное место, его радость и страданье, его боевой конек, и он азартно орал:

- Какого черта? Всякий чиновник-недолитератор будет мне указывать, о чем надо писать, а о чем не надо! Я сам знаю в сто раз больше него, а чувствую, может быть, в миллион... Ну, думаю, погоди, сукин ты сын! И написал в ЦК, в Отдел культуры...

Варахасий слушал, подливая в чашки. Ему было интересно и несколько смешно. Когда Алексей замолчал, отдуваясь, он покачал головой и проговорил, как всегда:

- Да, брат, кипучая у тебя жизнь, ничего не скажешь.

На что Алексей Т., как всегда, проворчал:

- Я бы предпочел, чтобы она была не такой кипучей.

Приятели помолчали. Было уже изрядно за полночь, в доме напротив не светилось ни одно окно. Ливень унялся, и небо как будто очистилось.

Алексей Т. вдруг произнес со спазмой в горле:

- "А лита за намы - як мосты, по яким нам бильше не ступаты".

Варахасий быстро взглянул на него, а он вздохнул прерывисто и промокнул глаза рукавом халата. Тогда Варахасий сказал:

- Слушай, литератор, ты еще спать не хочешь?

Алексей Т. слабо махнул рукой:

- Какое там - спать...

- Ты трезвый?

Алексей Т. прислушался к себе - выпятил губы и слегка свел глаза к переносице.

- По-моему, трезвый, - произнес он наконец. - Но это мы сейчас поправим...

Он потянулся было к водке, но Варахасий его остановил.

- Погоди, - сказал Варахасий Щ., следователь городской прокуратуры. - Это успеется. Сперва я хочу кое-что тебе показать.

Он вышел, ступая неслышно босыми ногами, из кухни и через минуту вернулся с красной конторской папкой. Такие папки были знакомы писателю Алексею Т. - фабрика "Восход", ОСТ 81-53-72, арт. 3707 р, цена 60 коп., белые тесемки. Алексей Т. встревоженно проговорил:

- Ты что - тоже в писательство ударился? Так это я лучше дома, на свежую голову...

- Не-ет, - отозвался Варахасий, развязывая белые тесемки. - Тут другое, полюбопытнее... Вот, взгляни.

Он извлек из папки и протянул приятелю общую тетрадь в черной клеенчатой обложке весьма неопрятного вида. Алексей Т. принял тетрадь двумя пальцами.

- Это что? - осведомился он.

- Ты погляди, погляди, - сказал Варахасий.

Черная клеенка обложки была покрыта пятнами весьма противного на вид беловатого налета, впрочем, совершенно сухого. Алексей Т. поднес тетрадь к носу и осторожно понюхал. Как он и ожидал, тетрадь пахла. Точнее, пахивала. Черт знает чем, прелью какой-то.

- Да ты не вороти морду-то, - уже с некоторым раздражением сказал Варахасий. - Литератор. Раскрывай и читай с первой страницы.

Алексей Т. вздохнул и раскрыл тетрадь на первой странице. Посередине ее красовалась надпись печатными буквами противного сизого цвета: ДНЕВНИК

НИКИТЫ ВОРОНЦОВА. Тетрадь была в клеточку, и буквы были старательно и не очень умело выведены высотой в три клетки каждая.

Алексей Т. перевернул страницу. Действительно, дневник. "2 января 1937 года. С сегодняшнего дня я снова решил начать дневник и надеюсь больше не бросить..." Чернила блеклые. Возможно, выцветшие. Почерк аккуратный, но неустоявшийся, как у подростка. Писано тонким стальным перышком. Алексей Т. сказал недовольно:

- Слушай, это, конечно, интересно - дневник мальчишки тридцать седьмого года, но не в два же часа ночи!

- Ты читай, читай, - напряженным каким-то голосом произнес Варахасий.

- Там всего-то семь страничек...

И Алексей Т. стал читать с видом снисходительной покорности, подувая через губу, однако на третьей уже странице, на середине примерно ее, дуть перестал, задрал правую бровь и взглянул на Варахасия.

- Читай же! - нетерпеливо прикрикнул Варахасий.

На седьмой странице записи, точно, кончились. Алексей Т. полистал дальше. Дальше страницы шли чистые.

- Ну? - спросил Варахасий.

- Не вижу толка, - признался Алексей Т. - Это что - записки сумасшедшего?

- Нет, - сказал Варахасий, усмехаясь. - Никита Воронцов не был сумасшедшим.

- Ага, - сказал Алексей Т. - Тогда я, пожалуй, прочту еще разок.

И он стал читать по второму разу.

ДНЕВНИК НИКИТЫ ВОРОНЦОВА

Запись, вероятно, пером "рондо", повернутым слегка влево, почерк аккуратный, но неустоявшийся, подросточий, чернила порыжели:

"2 января 1937 года. С сегодняшнего дня я снова решил начать дневник и надеюсь больше не бросить. С утра Серафима и Федя взяли Светку и уехали куда-то к Федеиным родственникам. Я вызвал своего лучшего друга Микаэла Хачатряна, и мы играли сначала в "Бой батальонов". Потом пошли гулять, играли в снежки. Микаэл неосторожно попал мне в лицо и чуть не разбил мне очки. Гуляли до обеда, потом пошли к Микаэлу и пообедали. После обеда заперлись у него в комнате и спорили о девочках. Микаэл сказал, что останется всегда верен Сильве Стремберг, а я признался ему, что влюбился теперь в Катю Михановскую. Микаэл сказал, что мало ли что, Катя ему тоже нравится, потому что она белокурая и красивая, но он все равно будет любить Сильву, что бы с нею ни случилось, а иначе получается предательство. Мы поругались, и я ушел домой. Сейчас я один дома и начал вести дневник. Впредь обязательно надо вести дневник.

3 января 1937 года. Вчера наши вернулись поздно, Федя был сильно выпивши, Серафима ругалась, а Светка хныкала и спала на ходу. Утром Серафима с Федей ушли на работу, а я до десяти часов валялся в кровати и читал "Крышу мира". Здорово написано. Я бы и дальше читал, но проснулась Светка и заняла, что хочет есть. Мы встали, позавтракали, и она ушла к подружкам. Я еще почитал немного, но потом мне стало скучновато, и вдруг пришел Микаэл. Он сказал, что вчера погорячился. Короче, мы помирились. Честно признаться, я очень люблю Микаэла. Он мой лучший друг. Мы пошли гулять и договорились, что запишемся в секцию бокса, но никому об этом не скажем, а в один прекрасный день встретим Мурзу с его фашистами, и пусть над ними смилуется Бог! После обеда растопил печку и рассказывал Светке страшные истории. Свет я нарочно не включал. Очень смешно, как она боится, а все равно просит, чтобы дальше рассказывал.

4 января 1937 года. Утром хотел опять поваляться и почитать, но Светка поднялась в восемь часов, будто и не каникулы вовсе. Пришлось вставать и кормить ее. В сердцах дал ей подзатыльник. Сколько раз зарекался!

Она ведь не ревет, только губы выпятит и смотрит на тебя круглыми глазами. Я этого не могу перенести. Пришлось рассказать ей сказку, да еще взять с собой гулять, а после гуляния взять с собой к Микаэлу. Что тут было! Сусанна Амовна, мама Микаэла, как закудаhtала над нею, как принялась

ее причесывать, оглаживать, пичкать разными вкусными вещами, хоть святых выноси. Впрочем, нам же было лучше. Удалось и в шахматы сразиться, и разобраться в наборе "Химик-любитель", который вчера купил Микаэлу отец. Завтра будем делать опыты.

Запись, вероятно, тем же пером "рондо", но без поворота, твердые печатные буквы, те же порыжелые чернила:

"проба проба проба

"никак мне не мрется

"кого вверх, кого вниз, а меня опять назад, начинай все сначала

"Я умру 8 (восьмого) июня 1977 (семьдесят седьмого) года в 23 часа 15 минут по московскому времени.

Запись тем же пером, торопливая скоропись с брызганьем и царапаньем бумаги, те же рыжие чернила:

"Сашка Шкрябун (лето 41, с родителями в Киев, без вести)

"Борис Валкевич

"Сара Иосифовна

"Костя Шерстобитов (ранен на Друти, июнь 44; женился на Любаше из Медведкова, осень 47)

"Гришка-Кабанчик, сапер

"мл. л-т Сиротин

"серж. Писюн

"Громобоев, трус

"с бородавкой на веке, руч. пул. (+ под Болычовом)

"Фома, запасливый, с полным сидором

"санинструктор Марьяна (+ на Рузе под Ивановом)

"комбат Черета (+ у Ядромина?)

"чистюля наводчик (Ильчин? Ильмин? Илькин?)

"Капитонов (в 55 начальником цеха)

"Стеша (умрет сын, самоубийство, проследить)

"Бельский, бездымная технология, патент (несколько формул, наспех набросанный чертеж)

"Тосович, каратэ

"Верочка Корнеева, она же Воронцова, она же Нэко-тян

Снова твердые печатные буквы теми же порыжелыми чернилами:

"Бесполезно. Память.

"Я воскресну 6 (шестого) сентября 1937 (тридцать седьмого) года в ночь на седьмое в постели. Внимание! Не суетиться! Лежа неподвижно, досчитать до ста, затем перевернуться на живот, свесить голову через край кровати, разинуть рот и сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, высунув язык.

"Светкина кровать по левую руку, Федя с Серафимой через коридор.

Запись тупым карандашом, огромные буквы вкривь и вкось, едва разборчиво:

"Новый год, Новый год

"Интересно, Гурченко уже родилась?

"Черные косы, задумчивый взгляд

"Сексуально-алкоголические эксцессы в пятнадцать лет

"Ах, какой ты! Ой, что ты! Ой, куда ты! Ой, зачем ты! Ай! Ох!

"Воронцов! Прекрати болтовню!

"Три пятнадцать, шесть двенадцать, и Светке на эскимо.

"Ай-яй-яй, Галина Родионовна!

"Неточность. В прошлый раз было: если можно, я у вас еще немного посижу, Галина... А нынче прямо: ты как хочешь, а я у тебя останусь. Впрочем, и тогда остался, и нынче остался. И в позапрошлый раз, кажется, тоже. Сходимость вариантов.

"А в это время Бонапарт, а в это время Бонапарт переходил границу!

"Ай-яй-яй, Галина Родионовна!

Запись отличными черными чернилами, явно авторучка:
"21 августа 1941 года. Дневник прячу в обычное место до 46-го.
"На Западном фронте опять без перемен.
"Да помилуй же меня хоть на этот раз! Что за охота тебе так со мной играть!

Запись скверным стальным перышком, скверные лиловые чернила:
"9 апреля 1946 года. Осталась еще целая жизнь, 31 год. Поживем!
"Гришу-Кабанчика, сапера, раздавило танком под Истрой. И семья его вся погибла, отдавать медальон некому.
"Федя, как всегда, убит в 42-м при отступлении от Харькова. Серафима высохла, одни мощи остались. А Светка вымахала в красивейшую кобылу".

УМЕРТВИЕ НА ПРОСПЕКТЕ ГРАНОВСКОГО

Алексей Т. закрыл тетрадь и осторожно положил ее на край стола.
- Странная манера, - рассудительно произнес он. - Что это может значить - "убит, как всегда"? Слушай, это не мистификация?
- Нет, - ответил Варахасий. - А тебя только это удивляет?
- Н-нет, конечно... Слушай, ты уверен, что это не мистификация?
- Уверен. К сожалению, уверен.
- Почему же - к сожалению? - удивился Алексей Т.
- А потому, дорогой, что я не литератор, а следователь прокуратуры, и я не люблю в жизни неразрешимых задачек.
Приятели помолчали. За окном сделалось совсем светло, небо очистилось над домом напротив и стало бледно-голубым. И тихо было, тихо отчетливой тишиной июньской белой ночи.
- Ладно, - сказал Алексей Т. - Ты своего добился. Ты меня поразил. Можешь быть доволен. Теперь, если позволишь, по порядку. Можно вопросы?
- Изволь, - сказал следователь городской прокуратуры Варахасий Щ. - Любые. Даже такие, на которые мне не ответить.
Невооруженным взглядом было видно, что он доволен. Алексей Т. собрался с мыслями.
- Так, - произнес он. - Во-первых. Кто такой этот Никита Воронцов? Или нет, расскажи сначала, как эта тетрабочка попала в прокуратуру. Так будет интереснее.
- Изволь, - согласился Варахасий и рассказал.

Поздно вечером восьмого июня прошлого года на проспекте Грановского произошло убийство. Свидетели, пенсионерка имярек и пожилой артист имярек же, прогуливавшие собак неподалеку, описали это происшествие так. На тротуаре под окнами одной из шестнадцатиэтажных громадин пятеро великовозрастных молодых людей возились с мотоциклом. Мотоцикл ревел ужасно, и уже в окна стали высовываться и возмущенно кричать полуголые граждане и гражданки, и уже свидетели, по их словам, совсем собрались было подойти к этим молодым людям и попенять им за нарушение тишины и спокойствия, как вдруг к мотоциклетной компании подошел откуда-то пожилой мужчина в белом полотняном костюме и с тростью и что-то сказал. Наверное, по поводу шума, который производила компания. Сейчас же все пятеро великовозрастных молодых людей угрожающе сомкнулись вокруг пожилого человека. Как там у них шло толковище - свидетели не слышали, грохот мотоцикла все заглушал. Они увидели только, как пожилой человек упер трость в грудь одного из молодых людей, особенно напиравшего на него, последовал обмен неслышными репликами, после чего пожилой человек опустил трость, а молодой человек развернулся и с большой силой толкнул его кулаком в лицо. Тут, как нарочно, мотоцикл замолк. Опрокинутый толчком пожилой человек прямо, как палка, упал навзничь, и в наступившей тишине было отчетливо слышно, как его голова с треском ударилась о край тротуара. На этом, собственно, все и кончилось. Великовозрастные мерзавцы постояли с полминуты в нерешительности, а затем, убедившись, что жертва их не двигается, без слов кинулись врассыпную, за исключением одного, который

замешкался у злосчастного мотоцикла. Через минуту бешено терзаемый мотоцикл завелся, и оставшийся тоже умчался прочь. Только тогда остолбеневшие от неожиданности и ужаса свидетели одновременно подбежали к пожилому человеку. Он лежал на асфальте вытянувшись, раскинув руки, с широко раскрытыми глазами. Он был мертв. И только тогда подслеповатая пенсионерка опознала в убитом соседа по подъезду, жившего в двухкомнатной квартире на шестнадцатом этаже.

- Это был... он? - полуутвердительно произнес Алексей Т., постучав пальцами по дневнику.

- Да, это и был Никита Сергеевич Воронцов, - сказал Варахасий. - Любопытная подробность, курьез, если хочешь. Свидетельница показала, что ее собака, королевский пудель Кинг, за несколько минут до происшествия скулила и рвалась на поводке, тянула хозяйку к месту будущей трагедии. А свидетель, напротив, вспомнил, что его собака, беспородная дворняга Агат, точно так же тянула хозяина прочь. Но это, конечно, к делу не относится.

- Мерзавцы, - проговорил жаждущий возмездия Алексей Т. - Но их хоть поймали?

- В ту же ночь, - охотно ответил Варахасий. - И они тут же раскололись. Все-таки не закоренелые преступники, а так, скверно воспитанные болваны... Может быть, тебя еще что-нибудь интересует?

- Прости, пожалуйста, - спохватился Алексей Т. - Продолжай.

- Ну-с, вот, - продолжал Варахасий. - Дело это дали мне, я тогда еще работал в том районе...

Дело представлялось ясным, как стеклышко. Показания свидетелей и смертельно перепуганных дружков обвиняемого полностью совпадали с показаниями самого обвиняемого, размазывавшего огромным кулаком слюны и слезы по перекошенной от горя и ужаса небритой морде. Неосторожное убийство, статья 106 УК РСФСР, до трех лет лагерей или до двух лет исправработ. Оставалось выполнить некоторые формальности.

Поскольку убитый жил один, Варахасий, как положено, прежде всего произвел осмотр его квартиры на предмет описи вещей, обстановки и прочего. При осмотре, между прочим, обнаружилось кое-что, убитому явно не принадлежащее: в прихожей - женские туфельки и тапочки тридцать четвертого размера; в ванной - кокетливый женский халатик на крючке, духи, лосьоны и разная женская дребедень на подзеркальной полке; в спальне - пара женских ночных сорочек. Но самое важное - в одном из закрытых на ключ ящиков письменного стола, погребенный под пластами удостоверений, дипломов, свидетельств, орденских книжек и прочих важных документов, оказался вот этот самый дневник в наглухо заклеенном конверте из плотной бумаги. Там же, у стола, Варахасий бегло проглядел, а затем дважды внимательно прочел содержимое этой припахивающей плесенью тетрадки, снова уложил ее в конверт и сунул к себе в портфель.

Он опечатал квартиру и вернулся к себе в районную прокуратуру. На столе у него уже лежало заключение медэкспертизы. Варахасий прочел и охнул. Ясное как стеклышко дело замутилось. Упав от сильного толчка в лицо, Никита Сергеевич Воронцов действительно ударился затылком о край тротуара и проломил себе череп, и это действительно могло послужить причиной мгновенной смерти, если бы не одно обстоятельство. А именно: даже толчок в лицо (в правую скулу, великовозрастный болван был левшой), не говоря уже об ударе головой о бетонную закраину, имел место по крайней мере через пять-шесть секунд после наступления клинической смерти Воронцова. Великовозрастный болван ударил уже мертвого.

- Как же так? - поражение проговорил Алексей Т. - Если я правильно тебя понял, Воронцов же стоял...

- Ну и что же, что стоял? Умер, но не успел упасть. Такое ли еще бывает! Не в этом дело...

- А отчего он умер?

- Не помню, - нетерпеливо сказал Варахасий. - В заключении было сказано, но я уже забыл... Что-то вроде острой сердечной спазмы. Не в этом дело, я тебе говорю.

- Да-да, прости. Продолжай, пожалуйста.

- Продолжаю. Ты представляешь себе мое положение?

- Очень даже представляю. Одно дело - если человека сбили с ног, он упал и убился. И совсем другое дело - если ударили мертвеца. Тоже, конечно, некрасиво, но есть ли это преступление? Так?

Варахасий хохотнул.

- Приблизительно, - сказал он. - Короче говоря, мне предстояла неинтереснейшая и зануднейшая писанина. За нее я и взялся, не теряя ни секунды драгоценного времени. И вот, когда я дошел до кругленького такого периода... м-м... "Сопоставляя показания свидетелей и заключение медэкспертизы, можно достаточно уверенно утверждать, что клиническая смерть наступила в 23 часа 15 минут..."

- Постой-постой! - вскричал Алексей Т. и схватил со стола тетрадь. - Когда, ты говоришь, это произошло?

- Восьмого июня прошлого года, одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, - ответил, ухмыляясь, Варахасий.

Алексей Т. отыскал в тетради нужную страницу и прочел вслух спертым голосом:

- "Я умру восьмого июня тысяча девятьсот семьдесят седьмого года в двадцать три часа пятнадцать минут по московскому времени".

- Вот и я тогда точно так же схватился за эту самую тетрадь, - произнес Варахасий. - Небезынтересно, правда?

- Еще бы! Ну, а дальше что?

- Дальше... Что ж, я - служака хороший, у меня от начальника секретов нет. Показал я эту тетрадочку на пробу прокурору. Все было, как я и ожидал: "Подделка, умалишенный, случайное совпадение, не морочь мне голову, что, у тебя дел других нет?" И я решил попытаться размотать эту загадку на свой страх и риск. В частном, так сказать, порядке, но с сугубым использованием служебного положения.

- Правильно! - восторженно выдохнул Алексей Т.

- Правильно или неправильно - не знаю. Но было, было у меня такое ощущение, словно бы открывается дельце это в такую бездну, куда еще ни один человеческий глаз не заглядывал. А начал я, сам понимаешь, с биографии покойного.

БИОГРАФИЯ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ВОРОНЦОВА

Никита Сергеевич Воронцов родился в Москве в тысяча девятьсот двадцать третьем году. Родители его умерли, когда ему было три года, и он остался на руках у старшей сестры (по первому браку отца) Серафимы, которой исполнилось тогда двадцать лет, работницы завода "Серп и молот" (бывший завод Гужона). И добрая, видно, девушка была эта Серафима: хотя трехлетний пацан здорово осложнял ее жизнь, она его не сбывала в приют, а отдала в ясли, а потом, когда подрос, в очаг при заводе.

Год спустя Серафима вышла замуж за Федора Кривоносова, работавшего в одном с нею цехе, а еще три года спустя у них родилась дочка Светлана. Судя по всему, Никита племянницу любил, и с Федором у него тоже были отличные отношения.

Семейство занимало две комнаты в огромном кирпичном доме на Андроньевской, в коммунальной квартире невероятных по нашему времени размеров. Там до сих пор еще проживают двое стариков, которые помнят и Серафиму с Федором, и Никиту, и Светлану, однако выяснить у них о Никите что-либо определенное не удалось: слишком все перемешалось в их бедной памяти за прошедшие бурные годы.

В сороковом году Никита окончил десятилетку, но хотя учился прекрасно и едва только не натянул на "золотой аттестат", учиться дальше не пожелал, а поступил он на славный завод "Серп и молот", под начало к Феде, который к тому времени сделался уже мастером.

Тут и война разразилась.

Никита сразу же пошел добровольцем. Воевал он, видимо, прекрасно, себя не жалел: два ранения, контузия, орден Славы, три Красные Звезды, две медали "За отвагу". Кончил войну в Мукдене...

(- Где-где? - переспросил Алексей Т.

- Ну, в Шэньяне, - объяснил Варахасий Щ.

- Где это?

- Да в Китае же! В Маньчжурии!

- А-а-а... Да-да, конечно. Прости...)

В середине сорок шестого года Никита демобилизовался и вернулся на

родную Андроньевскую. Дела там были плохи. Федор был убит. Серафима держала у себя какого-то хмыря-майора из военной комендатуры и изрядно попивала. Светлана связалась с шайкой то ли воров, то ли бандитов.

Никита, не тратя времени даром, первым делом снова поступил на завод в свой старый цех, быстро там освоился, затем осмотрелся в семье и молча ринулся в бой. Сначала он жестоко избил хмыря-майора, помыкавшего Серафимой, как служанкой. Могли быть изрядные неприятности, но майор был семейным и партийным и дело замял. Вскоре он, сославшись на распоряжение начальства, вернулся на казарменное положение, а потом и вовсе слинял начисто. И горько же, должно быть, попрекала Никиту несчастная Серафима!

Впрочем, может быть, и не так уж горько, потому что Никита вплотную занялся племянницей. И удалось ему управиться с племянницей, отлучить ее от опасных дружков и всякими правдами и неправдами устроить ее на завод учетчицей - школу-то она бросила еще в сорок четвертом, едва-едва вытянув семилетку.

Но все это подробности, может быть, пока и излишние.

В сорок седьмом году Никита поступил на вечерний в Московский институт стали, в пятьдесят втором закончил и был назначен в свой цех сменным инженером.

В пятьдесят пятом году умерла от инфаркта Серафима. Через год Светлана вышла замуж и завербовалась на Север. Никита Воронцов остался один. Здесь уместно будет сказать, что он как был, так и остался до конца дней своих холостяком. Судя по некоторым данным, не по вине женщин.

А еще через год он перевелся с "Серпа и молота" в один из номерных институтов. В семьдесят втором году он получил квартиру на проспекте Грановского и покинул старое гнездо на Андроньевской.

Поздно вечером 8 июня 1977 года он умер. В возрасте пятидесяти четырех лет.

- И все? - несколько разочарованно спросил Алексей Т.

- Все, если не считать подробностей, - ответил Варахасий. - Хочешь взглянуть на него?

- Хочу, конечно...

Варахасий вынул из красной папки и протянул приятелю фотографию. Это была стандартная фотокарточка шесть на девять. Обыкновенное, ничем, пожалуй, не примечательное лицо пожилого мужчины. Залысый лоб, редкие волосы, зачесанные аккуратно назад. Несколько запавшие глаза, полуприкрытые набрякшими веками. Резкие складки по сторонам сухого, плотно сжатого рта. Гладко выбрит. Что еще? Уши слегка оттопырены. Серый пиджак поверх черного глухого свитера. Положительно, обыкновенный человек...

- Жаль, глаз почти не видно, - произнес Алексей Т., возвращая фотографию.

- Ага, - откликнулся Варахасий. - Вот-вот. Именно что жаль...

- А что?

- Как выразилась одна дама, глаза у Никиты Сергеевича были страшные, мудрые и тоскливые. И другие люди, кто его знал, утверждают в один голос, что взгляд у него был странный... Правда, хоть и в один голос, но в разных выражениях.

- Так, - сказал Алексей Т. - Понятно. А теперь валяй все подробности.

Уже рассвело, небо стало пронзительно-синим, и на верхние этажи дома напротив пали розовые отсветы восходящего солнца.

ПОДРОБНОСТИ О НИКИТЕ ВОРОНЦОВЕ

- Как я тебе уже доложил, - сказал Варахасий Щ., - я решил попытаться разгадать эту загадку и принялся за дело по всем правилам нашего искусства. Я побывал в военкомате, на заводе "Серп и молот", в номерном этом институте, изучил его биографию, можно сказать, доскональнейшим образом, и представь себе, не оказалось в ней решительно ничего, что бы пролило хоть какой-то свет на странности в дневнике. То есть он действительно выступил со своей частью на фронт в конце августа сорок первого, действительно воевал к западу от Москвы, а через три года переправлялся через Друть... и пять лет назад вместе с неким Бельским получил авторское свидетельство на какую-то там бездымную технологию... Но

к разгадке это меня не приблизило ни на шаг.

Что ж, бывает. Приспело время заняться ближайшим окружением нашего героя, друзьями, родственниками, знакомыми и так далее. Выяснением подробностей его частной и даже интимной жизни. Как честный человек, признаю, что, строго говоря, я не имел на это права, но мертвым не больно, а остановиться я уже не мог. Чужал, чужал я, что за загадочкой этой кроется что-то грандиозное, чуть ли не глобальное... Впрочем, сам увидишь и будешь судить.

Я опросил около двадцати человек. Большинство из них ничего интересного не сообщили. Хороший был мужик, компанейский парень, специалист отличный, такой милый, добрый мужчина... все в таком духе. Умел и любил выпить; анекдоты рассказывал - обхохочешься; нередко перед начальством держал мазу за обиженных; такого-то чуть ли не из-под суда вытащил; такому-то чуть ли не из самого ВЦСПС путевку в спецсанаторий для ребенка выбил... ничего не боялся... ничего для себя не требовал... хорошему своему приятелю публичную оплеуху влепил за хамство старухе технологу... Ну, кое-кого потаскивал, не без этого... Словом, ангел, и именно во плота. Вышел я, кстати, и на некоего Бобкова, в прошлом инструктора-самбиста, а ныне пьяницу с оскорбленно-брезгливой физиономией. Никита Сергеевич занимался у него в середине пятидесятых и был у него лучшим учеником. Как Бобков выразился, "с ним, с Никитой, хоть бы и навоз есть, все прямо изо рта выхватывал, такой был парень".

И лишь пять человек дали мне поистине ценные сведения - впрочем, увы, только усугубившие загадку. Если, конечно, по-прежнему относиться к ней с точки зрения здравого прокурорского смысла.

(Варахасий извлек из своей красной папки несколько листов бумаги, скрепленных могучей канцелярской скрепкой.)

Вера Фоминична Самохина, в девичестве Корнеева, 46 лет, химик-технолог, сослуживица Воронцова по номерному институту, познакомилась с ним в пятьдесят восьмом году.

Валентина Мирленовна Самохина, дочь Веры Самохиной, 24 года, работник Патентной библиотеки, познакомилась с Воронцовым в семьдесят четвертом году и стала его любовницей.

Светлана Федоровна Паникеева, в девичестве Кривоносова, 47 лет, домашняя хозяйка, племянница Воронцова.

Микаэл Григорович Хачатрян, 54 года, капитан 1-го ранга в отставке, школьный друг Воронцова.

И наконец, Константин Пантелеевич Шерстобитов, 55 лет, рабочий Мытищинского машиностроительного завода, фронтовой друг Воронцова, познакомился с ним в сорок втором году в запасном полку.

Ну-с, так вот. Все беседы я вел под магнитофон и после, конечно, за ненадобностью стирал, но записи бесед с этой пятеркой сохранил, даже сделал извлечения из них, - то, что показалось мне наиболее интересным. Крутить записи подряд займет слишком много времени, так что давай я прочитаю тебе извлечения, а где нужно - прокомментирую. Согласен?

(Алексей Т. торопливо закивал, показывая, что да, он согласен, налил в стопки водку, опрокинул свою и запил остывшим чаем, после чего произнес севшим голосом:

- Давай, читай...)

- Ладненько, - произнес Варахасий, тоже опрокинул свою и тоже запил остывшим чаем. - Будем читать. Начнем с Веры Фоминичны Самохиной. Меня прямо-таки вытолкнула на нее та запись в дневнике, помнишь? "Верочка Корнеева, она же Воронцова, она же Нэко-тян"... Читаю:

- "Познакомились мы на какой-то вечеринке. Не помню уже сейчас, то ли чей-то день рождения был, то ли праздник какой-то... Шутка сказать, четверть века прошло! Зато как сейчас помню, что он сидел за столом почти напротив и смотрел на меня не отрываясь. Это я краем глаза видела, что он смотрит не отрываясь, а как на него взгляну, он уже и глаза успел опустить... Ну, мне было тогда двадцать шесть, что ли, мужики меня вниманием не обходили, но все равно было лестно... Потом, когда стол отодвинули и стали танцевать, он меня пригласил, и вот тут я впервые взглянула ему прямо в глаза. Меня словно током ударило... Нет-нет, не подумайте, ничего такого женско-мужского. У него глаза были какие-то такие... страшные, мудрые будто и тоскливые, что ли... То есть глаза-то у него были обыкновенные, серо-зеленые, но так он глядел... Я сразу решила:

нет, это рыцарь не моего романа. Вообще-то он был весел, говорил интересно, острил довольно удачно, а кое-кто прямо на шею ему вешался... Впрочем, в глаза мы больше друг другу не заглядывали.

- Ваш муж тоже был на этой вечеринке?

- Н-нет... Нет-нет, он с Валькой остался, она тогда совсем малышка была, годика три... или четыре... Так вот что самое странное тогда случилось. Я устала, да и опьянела сильно, и присела отдохнуть на диван. И сейчас же ко мне подсел Воронцов. Сел рядом, как сейчас помню, руки на коленях сложил и негромко говорит мне, на меня глядя: "Вы не беспокойтесь, Вера Фоминична, с гландами у вас все обойдется благополучно". Я так глаза и вытаращила. С гландами у меня действительно с самого детства было не в порядке, последние годы я все собиралась оперироваться, да не решалась, но ему-то откуда про это знать? Я его спрашиваю: "Откуда вы знаете про мои гланды?" Вот тут он ко мне наклонился и говорит чуть ли не шепотом: "Я о вас, Вера Фоминична, еще и не то знаю. Например, что есть у вас очаровательная родинка на..." И называет, простите, местечко на теле, которое и родному мужу не часто показываешь. Я обмерла, рот разинула, не знаю, то ли пощечину ему дать, то ли еще что, а он встал и ушел. Совсем ушел с вечеринки...

- Но родинка есть?

- В том-то и дело, что есть... И на том самом месте!

- И с гландами благополучно обошлось?

- Прекрасно обошлось. Хотите верьте, хотите нет, но я как-то сразу бояться перестала и буквально через неделю пошла на операцию. И все вышло как по маслу... Скажите, товарищ следователь, вот вы, я вижу, Воронцовым и после смерти занимаетесь. Вы тоже думаете, что он был вроде как бы колдун или ясновидец?

- А сами вы как думаете, Вера Фоминична? Я ведь его живого в глаза не видел, а вы с ним худо-бедно почти два десятка лет бок о бок в одном учреждении, наверняка общались, разговаривали. У вас какое сложилось впечатление?

- Не знаю даже, что сказать... Сказать правду, мы больше и не общались никогда. Разве что по работе. А так встретимся в коридоре или в буфете - "здравствуйте", "привет", - только и всего. Хотя, конечно... Действительно, два десятка лет прошло, чего только не случилось за это время, многое забылось, а я его на той вечеринке как сейчас вижу.

- И он с тех пор так ни разу с вами и не заговорил?

- Ни разу. Наверное, чувствовал...

- Что?

- Да ведь боялась я его, товарищ следователь! Как чумы боялась. Как дети буку бояться. Когда Валька рассказала мне, что Сошлась с ним, я неделю тряслась от горя и страха. Сейчас смешно вспомнить, но рвалась даже заявить в партком, в милицию, еще Бог знает куда. Хорошо еще, что муж меня удержал. Здорово бы это получилось: старый злодей совратил бедную девочку, а бедной девочке двадцать третий год миновал...

- Кстати, а как Валя восприняла смерть Воронцова?

- Вы знаете, удивительно спокойно. Ни слова, ни слезинки... Возможно, не так уж и любила.

- Возможно... Скажите, Вера Фоминична, вас никогда не прозывали таким словечком - Нэко-тян?

- Нэко-тян? Нет, впервые слышу. Что это такое?

- Это слово японское. "Кошечка" значит.

- Кошечка... Меня мама в детстве звала Кошечка..."

- Вот все по Самохиной, - сказал Варахасий. - Впечатляет?

- Впечатляет, - проговорил Алексей Т. - Интересно, где это была у нее родинка?

- Пошляк, - с отвращением сказал Варахасий.

- Извини. Я пошутил. Читай дальше.

Варахасий пошелестел бумагами.

- А дальше у нас пойдет дочка Самохиной, - сказал он. - Валентина Мирленовна. Очаровательная особа, доложу я тебе. Ну-с, с нею я беседовал с первой, она сама вышла на меня - с просьбой вернуть ее вещи, оставшиеся на квартире у Воронцова. Тут мы и побеседовали. Читаю:

- "Как мы с ним познакомились? Очень просто и вообще-то довольно случайно. В октябре... нет, в ноябре прошлого года начальство приказало мне срочно отрецензировать справочник по австрийской системе патентования. А я по-немецки ни в зуб ногой, в институте учила английский, но это было первое мне серьезное задание на работе, да и самолюбие играло. Ну, обложилась словарями, поползла по тексту, день корплю, другой, и все на первой странице... Нет, думаю, ничего у меня так не выйдет. Стала думать, что делать. Перебрала всех друзей и знакомых - как назло, никого с немецким. Кто с английским, кто с испанским, один даже с эсперанто, а с немецким ни одного. Тогда решила я подключить родителей: может быть, у них есть кто-нибудь. Вышла к ним, а у мамы - помнится, была суббота - гости, две пары из ее института. Так и так, говорю, товарищи, помогите бедному ребенку, срочно нужен знаток немецкого языка. Да ничего проще, кричат, у нас Воронцов отлично немецкий знает, Никита Сергеевич... И тут же дядя Сева достает записную книжку и дает мне его домашний телефон. Мама было на дыбы, не смей, дескать, беспокоить человека, но они ее заговорили, что Воронцов - мужик добрый, что ему ничего не стоит и прочее. Ну, а я - в прихожую, к телефону. Позвонила, назвалась, сказала, по какому делу встречаюсь в его домашний покой. Он помолчал несколько секунд и очень спокойно, негромко так сказал: "С удовольствием помогу вам, Валя. Я свободен, можете приехать хоть сейчас..." - и продиктовал адрес. И я тут же к нему поехала.

- И помог он вам?

- Не помог - сам все сделал. Когда я два дня спустя после работы к нему поехала, как мы условились, рецензия была готова - напечатана в двух экземплярах, все честь по чести. Я его благодарить, а он головой покачал и сказал: "Не надо, Валя, это я в своих интересах, чтобы нам с вами сегодня не работать, а шампанское пить..." И глаза у него были в тот момент необыкновенные - грустные и какие-то сияющие, я таких ни у кого еще не видела. Наверное, в тот момент я в него и влюбилась. Что ж, я - человек решительный. Прямо при нем сняла трубку и позвонила домой, что буду ночевать у подруги.

- Любовь с первого взгляда, так сказать...

- Это что, ирония?"

(Варахасий прервал чтение.)

- Я уже доложил тебе, - сказал он, - что эта девица оказалась очаровательной особой. И говорила она со мной охотно, словно только и ждала случая выговориться. А когда я сострил насчет любви с первого взгляда, лицо ее исказило бешенство. То есть это я говорю - исказило, на самом деле оно осталось прекрасным.)

- "Это что - ирония?"

- Какая уж тут ирония, Валентина Мирленовна, избави Бог...

- Вы его не знали... Да и никто его не знал, даже самые близкие приятели. Одна только я знала, потому, наверное, что он был первым в моей жизни мужчиной. Я его любила без памяти. Хотя с самого того вечера знала, чувствовала, что не надолго мне это счастье...

- Он вам сказал, что скоро умрет?

- Ерунда! Не мог он мне этого сказать. Он был здоров, он был совершенно здоров и невыразимо нежен... Мать никогда не была со мной так нежна, как он. Только однажды...

- Что?

- Незадолго до... Ну, недели за две до смерти он вдруг сказал мне ни с того ни с сего, ночью, я уже задремала... Громко и отчетливо сказал: "Скоро нам расставаться", а я спросила сквозь дремоту: "Почему?" И он ответил: "Потому что тебе дальше, а мне обратно, Нэко-тян..."

- Простите... как он вас называл?

- Нэко-тян. Он меня так называл иногда. Когда-то он был в Маньчжурии и влюбился там в одну японочку, и она научила его так ее называть. Ласкательное прозвище. Нэко-тян. Мне очень нравилось, когда он так меня называл..."

- Теперь у нас пойдет мужчина, - сказал Варахасий. - Константин Пантелеевич Шерстобитов, бывший однополчанин Воронцова. Рассказал он много любопытного, и много чего я из его рассказов выписал, но всего читать не

стану, а зачитаю только небольшой отрывочек. Слушай.

- "...Вот там-то, за Дутью, меня и накрыло. Дуть мы с ходу перескочили, а как на обрыв выперлись - трах-бах, и ничего не помню. Очнулся уже в санбате. Полноги как не бывало, мозжит - сил нет, лью слезы, а что поделаешь? Ладно. И вот за час, как меня в тыл отправлять, является Никитка. Живой-здоровый, весь в пыли, рот до ушей, левая рука на перевязи, тоже его зацепило, но легонько, остался в строю. Как уж он ко мне прорвался - не знаю, не скажу. Ну, торопливо перекинулись о том о сем, оказывается, комбата у нас опять убило, поцеловались на прощанье, а затем сует он мне в руку сложенную бумажку и говорит мне: ты, говорит, как я тебе написал здесь, так и сделай, да не забудь, говорит, а то после Победы сам тебя найду и, несмотря, что ты теперь инвалид, рыло на сторону сворочу по старой дружбе. И убежал. Ну, развернул я бумажку, читаю. Сейчас уже не помню в точности, как там было написано, лет-то много прошло, но смысл был вот какой. Чтобы осенью в сорок седьмом году, когда буду жениться на Любаше из Медведкова, чтобы непременно позвал на свадьбу. Во как.

- И что вы тогда подумали, Константин Пантелеевич?

- Что подумал... Я тогда ни о какой Любаше ни из какого Медведкова слыхом не слыхал. Первое, что я тогда подумал, - что Никита таким способом просто подбодрить меня хочет: ничего, дескать, жизнь продолжается, ты и без нот мужик хоть куда, не тушуйся, после войны встретимся... Но потом вспомнил всякие с ним случаи, ну, что я вам уже рассказал, и знаете, товарищ следовательно, скрывать не стану, повеселел. А потом, пока по госпиталям валялся, все это, признаться, как-то подзабылось. И записку ту я где-то затерял, и помучиться порядком пришлось, мне ведь еще две операции делали... Словом, вспомнил я об этом только через четыре года, летом сорок седьмого.

- Расскажите, пожалуйста.

- Расскажу. Это интересно получилось. Я уже работал на Мытищинском. Раз задержался я в мастерских допоздна, халтурку одну работал, а дело в конце августа было, вечера уже темные, да еще дожди все время шли. Ну, ковыляю я себе домой, а темнотища, а грязища, а вся улица - ухаб на ухабе! И тротуар деревянный, с войны не чиненный. И загремел я в какую-то ямину. И култей своей прямо тычком в землю. Света Божьего невзвидел. Сижу, подняться не моту, только постанываю. И вдруг нежный такой надо мной голосок: "Вы что, гражданин, расшиблись?" Смотрю - рядом у калитки платице белеется. "Расшибся, - говорю, - девушка, да и как не расшибиться, когда вы у своего дома волчьих ям нарыли, а у меня всего одна нога!" Короче, помогла она мне подняться, завела в свою комнатуху, усадила на кушетку, захлопотала. И между прочим говорит: улица, говорит, здесь и верно нехорошая, только, говорит, это дом не мой, я здесь только комнату снимаю, а живу, говорит, я в Медведкове. А звать, спрашиваю, как? Люба меня зовут. Во! У меня в голове словно молния ахнула - разом все припомнил.

- И женились?

- Конечно, женился. Куда деваться? Да и то сказать: тридцать лет живем душа в душу, двух сыновей вырастили.

- Воронцова на свадьбу позвали?

- Еще бы! Разыскал через адресный стол, он где-то на Большой Андроньевской тогда жил, я потом у него был раза два... Сидел, сидел он у меня на свадьбе... Тут только вот какая штука получилась. Накануне как нам в загс идти, я рассказал сдуру Любаше все эту историю...

- Почему же - сдуру?

- Получилось, что сдуру. На свадьбе Люба все к нему присматривалась и вроде как бы поживалась, что ли... Он, правда, наверное, такого не заметил. Веселый был, расцеловал нас, выпивал хорошо, закусывал, "горько" кричал... Только спустя какое-то время зашел у нас с Любой о нем разговор, и она мне говорит: если, говорит, ты меня любишь, держись от него подальше. Я страшно удивился. Почему? - говорю. У него, говорит, глаз нехороший, зловещий. Я ее на смех поднял, застыдил, рассердился даже, однако она - ни в какую. Твердит одно: если, дескать, меня любишь... Ну, что с ней поделаешь? Тайком от нее встретился я с Никиткой несколько раз, да так и разошлись наши дорожки..."

Алексей Т. снова взял дневник и отыскал запись: "Костя Шерстобитов (ранен на Друти, июнь 44; женился на Любаше из Медведкова, осень 47)".

- Заурядный случай ясновидения, - саркастически пробормотал он и снова положил дневник на стол. - Читай дальше.

- Дальше, - сказал Варахасий, - у нас с твоего позволения пойдет еще один мужчина. Капитан 1-го ранга в отставке Микаэл Грикорович Хачатрян, друг детства Воронцова. Читаю:

- "Значит, умер Никита... Ай, как люда вокруг мрут! Вот и мама у меня умерла недавно. Правда, ей под восемьдесят уже было... Жаль Никиту, очень жаль. Из мужской части мы с ним в нашем классе всего двое, пожалуй, в живых оставались, остальных всех война съела... Так вам о нем в школьные годы? Гм... А позвольте полюбопытствовать, зачем это вам?"

- Меня, собственно, интересует, не замечались ли вами в характере, повадках, высказываниях школьника Никиты Воронцова какие-либо странности, несообразности... ненормальности даже?

- Гм... Пожалуй, Никита действительно был в какой-то мере странный парнишка. Гм... Мы с ним большие приятели, что называется, водой не разольешь, но, говоря откровенно, я его иногда побаивался. Держался он как-то слишком по-взрослому, слишком навязчиво, если вы понимаете, что я хочу сказать, слишком сдержанно. А если уж расходился, то это у него получалось просто даже страшно.

- Боюсь, я не совсем улавливаю...

- Поясню на паре примеров. Гм... Вот была у нас в школе такая шпанистая компания, человек десять хулиганов под предводительством некоего Гришки-Мурзы. Не знаю, чем мы с Никитой им не понравились, но принялись они нас бить. Где ни встретят, там бьют. Завтраки отнимали, карманные деньги, шапки срывали и закидывали куда-нибудь... Сами знаете, как это у подростков бывает. Первобытная жестокость. Гм... Мы с Никитой года два это терпели, а то и три. Не ябедничали, конечно, да и бесполезно было ябедничать. И вот однажды встречаются они нас на дороге из школы и принимают за дело. Обычно мы как? Кое-как прикрываемся, стараемся проскочить поскорее и во все лопатки удрать. И вдруг Никита разворачивается и выдает самому Гришке-Мурзе прямой в переносицу. Мне даже хруст послышался, клянусь Богом. Это было совершенно неожиданно, и они оцепенели. А Никита уже одного бьет ногой в пах, другого хватает за волосы и с треском ударяет мордой о подставленное колено, третьего еще как-то. Гм... Они опомнились и набросились на него всем скопом, обо мне забыли, а я совершенно, знаете ли, ополоумел, в глазах темно, и ору нечленораздельно на всю улицу. Они здорово тогда избили Никиту, но и сами потерпели урон... К счастью, сбежались прохожие. Гм... Да. И вот после этого дня Никита стал сам подстерегать их поодиночке и избивать. Я иногда присутствовал. Это было ужасно. Это было... Это было невероятно жестоко, умело и, я бы сказал, по-деловому. То есть он дрался не так, как обыкновенно дерутся мальчишки, - не стремился оскорбить ударами, унижить, просто показать свое превосходство. Гм... Он как бы работал. Начал он прямо с Мурзы. Напал на него в школьной уборной и всю перемену деловито и страшно его обрабатывал. Все эти мальчишеские правила - "до первой крови", "под дых не бить", "ножку не подставлять", "лежачего не трогать" - все это он игнорировал. Уже через минуту несчастный Мурза валялся на кафельном полу и хрипел, а Никита трудился над ним и кулаками, и башмаками, и по-всякому. Мы оцепенели от ужаса, никто не решался вмешаться, даже старшеклассники. Клянусь Богом, такую ледяную жестокость я видел потом только в кино, в гангстерских фильмах!"

(Тут Варахасий опять прервал чтение.

- Поразительно, - произнес он, усмехаясь, - как цепко держится мальчишка даже в пожилых мужиках! Полковник в отставке, на шестом десятке, а раздухарился так, что мне вчуже страшно стало. Глаза выкатил, руками размахивает, вскочил, ногами показывает, как наш Никита пинками этого Мурзу угощал... Долго он в таком роде повествовал, мы на этом останавливаться не будем, тут и так все ясно, а перейдем к следующему пункту. Продолжаю.)

- "Понятно, Микаэл Грикорович. Ну, а другой пример?"

- Какой - другой?

- Вы обещали пояснить на паре примеров. Один вы привели. А второй?

- Гм... Второй пример... Только я вас прошу понять, что тут у меня

скорее впечатления, своими, так сказать, глазами я почти ничего не видел. Гм... Одним словом, с какого-то времени я стал замечать, что Никита необычайно смело ведет себя с девочками. Вы знаете, как обычно подростки в четырнадцать-пятнадцать лет: и хочется, и колется... подсмотреть там, похихикать, а самого то в жар, то в холод, и вообще по большей части одни лишь мечтания бесплодные. Так вот, Никита вдруг обнаглел до крайней степени. И я почти уверен, что случилось у него что-то с одной нашей одноклассницей...

- Понятно. Микаэл Грикорович, вот вы сказали - "с какого-то времени". А поточнее не припомните?

- Помню. И скажу вам совершенно точно. У Никиты случился приступ мозгового расстройства. Вообще-то он был парень здоровый, не болезненный, а тут вдруг слег, потерял память, в сильном жару несколько дней пролежал. Голову он застудил, что ли... или ударился... Не помню уже сейчас. И все эти, как мы их с вами называем, странности начались у него вскоре после этой болезни.

- И когда это случилось?

- Помню совершенно точно. В седьмом классе, в зимние каникулы. Я это помню потому, что во время этих каникул мы с ним начали увлекаться химией. Я-то в восьмом классе к ней поохладел и ударился в электротехнику, а Никита так химиком и остался...

- Кто такая Галина Родионовна?

- Галина Родионовна? Гм... Не помню что-то...

- Это тоже может быть из ваших школьных лет.

- А! Галина Родионовна! Да-да-да, как же! Учительница была у нас такая, англичанка, пришла к нам прямо из института. Между прочим, Никита английский знал просто в совершенстве..."

Алексей Т. бросил на стол дневник и сказал устало:

- Кто там у тебя еще остался?

- Осталась у нас последняя фигура, - отозвался Варахасий Щ. - Светлана Федоровна Паникеева, в девичестве Кривоносова, племянница нашего Воронцова и его единственная наследница.

- И было там что наследовать?

- Как же! Библиотека после него осталась неплохая, мебель... из одежды кое-что... Если ты помнишь, в свое время она вышла замуж и уехала с мужем на Север, а в начале шестидесятых они вернулись, обремененные огромными деньгами и целым выводком детишек. Ну-с, она оказалась незатейливая, простоватая, хотя, доложу тебе, в свои сорок семь годочков еще очень и очень... Ладно, это, конечно, в сторону, а зачитаю я тебе сейчас свою одну маленькую выдержку, самую интересную, как мне представляется.

- Валяй. Слушаю.

- "А что ему дано было будущее знать, так я это еще девчонкой поняла. Он меня любил, Никита, жалел очень и играл, бывало, со мной, и книжки читал мне, и пел, когда я болела... Я часто в детстве болела. И вот песни он мне пел иной раз такие, каких тогда ни от кого услышать было нельзя, а услышала я их снова уже взрослой и много позже войны. "Эх, дороги, - он пел, - пыль да туман", "Черного кота", "Вы слышите, грохочут сапоги"... И про войну он досконально знал, что она будет, и когда, и какая будет. Вот, помню, поет он мне свою любимую, я ее тоже очень любила, хотя и мало понимала, конечно... Поет это он: "Ах, война, что ж ты сделала, подлая..." И тут папа входит к нам. А Никита ни при ком не любил петь, только мне, но не остановился, до конца спел. Папа дослушал и говорит: "О чем ты поешь, Никитка?" Он отвечает: "О войне, Федя, о войне пою". - "О какой такой войне?" - "А о той, что в будущем году начнется, и многие на ней голову сложат". - "Эх, типун тебе на язык", - папа говорит. А я гляжу, Никита на него глядит, и в глазах слезы..."

Алексей Т. досмотрел, как складываются в папку скрепленные скрепкой листки и общая тетрадь в заплесневелой клеенчатой обложке, и перевел взгляд на окно. За окном царило яркое солнечное утро.

- Ну, как это тебе? - спросил Варахасий Щ., завязывая белые тесемки.

- А тебе? - спросил Алексей. - Размотал задачку?
- Есть у меня, есть кое-какие мысли, скрывать не стану...
Алексей Т. скривился насмешливо:
- Ясновидящий? Путешественник по времени?
- Не-ет, ясновидящий - это, брат, что... Это банальщина. Вот путешественник - это уже ближе к делу.
- Не с чего, так с бубен.
- А давай подискутируем, - предложил Варахасий Щ. - Если ты не устал, конечно.
- Давай, - согласился Алексей Т. - Только сначала прикончим эту благодать.
И он потянулся за бутылкой, в которой оставалось еще стопки на две, а то и на все три.

ДИСКУССИЯ

Если тщательно сопоставить все данные (рассуждал Варахасий Щ.), то рисуется парадоксальная картина, а именно: Никита Сергеевич Воронцов прожил неопределенное множество жизней. В романтической литературе известны персонажи, прожившие несколько жизней, - достаточно вспомнить хотя бы джеклондоновского Скитальца, который в своей смиренной рубашке носился из эпохи в эпоху, как страдающий поносом из сортира в сортир. Красиво, спору нет. Случай же с Никитой Воронцовым совсем иного рода. Про него точнее будет сказать, что не множество жизней он прожил, а прожил он одну и ту же жизнь множество раз. И судя по всему, было это достаточно тяжело, тоскливо и утомительно. Недаром, недаром поется в старинной песенке (слова народные): "Лучше сорок раз по разу, чем за раз все сорок раз"...

Да, Никита Воронцов действительно был путешественником по времени, только не по своей воле и в весьма ограниченных пределах. И выглядело это следующим образом. Воронцов благополучно доживает до вечера 8 июня семьдесят седьмого года. В 23 часа 15 минут по московскому времени некая сила останавливает его сердце, а сознание мгновенно переносит на сорок лет назад, в ночь на 7 января тридцать седьмого года, где оно внедряется в мозг Воронцова-подростка, причем внедряется со всем опытом, со всей информацией, накопленными за прожитые сорок лет, напрочь вытесняя, между прочим, все, что знал и помнил Воронцов-подросток до этой ночи. Далее, Воронцов снова благополучно доживает до вечера 8 июня семьдесят седьмого года, и снова та же самая неведомая сила убивает его тело и переносит его сознание, обогащенное, кстати, опытом и информацией новых сорока лет... и так далее, и так далее.

И так повторялось с ним неопределенное, может быть, и неисчислимое множество раз. Возможно, тысячу и одну жизнь прожил Никита Воронцов. Возможно, в последних своих жизнях он уже давно забыл, когда это произошло с ним впервые. А возможно, впервые это никогда и не происходило... (Только не надо недоуменно разводить руки и закатывать глаза: наука как форма человеческого воображения умеет, конечно, много гитик, но натура умеет этих гитик в неисчислимое множество раз больше.)

Следует принять во внимание, что в подробностях все эти его жизни совпадать, конечно, не могли. Слишком много случайностей возникает в каждой жизни, слишком много ситуаций выбора и вариантов ситуаций в микросоциумах. Скажем, в одной жизни Воронцов мог жениться на Вере, в другой - на Клеопатре, в третьей - на Розе, а в четвертой он мог вообще от этого дела воздержаться и дать себе отдых от семейных тягот. Допускается даже, что когда-то его одолела тоска и он повесился еще до войны, а когда-то его разорвало на куски вражеским снарядом, а когда-то он погиб в авиационной катастрофе задолго до своего срока. Но когда бы и при каких бы обстоятельствах ни прерывалась его жизнь, он неизменно возвращался в ночь на 7-е января тридцать седьмого года и заново начинал очередное сорокалетие.

Нет смысла задаваться вопросом (продолжал Варахасий Щ., подняв толстый указательный палец), как и почему все это происходило и почему именно с Воронцовым. Наука эти высоты еще не превзошла и превзойдет, надо думать, не в ближайшие дни. Ибо речь здесь идет о природе времени, а время

- это такая материя, в которой любой из нас не менее компетентен, чем самый великий академик. Возможно, гипотеза, предложенная им, Варахасием Щ., и не соответствует действительному положению дел в мироздании, но пусть кто-нибудь попробует ее опровергнуть! В частности, совершенно не имеет смысла закатывать пустые глаза, шевелить губами и загибать пальцы. Пустое это дело - пытаться представить себе, как соотносились бесчисленные реальности Никиты Воронцова с нашей единственной реальностью. Мы имеем здесь дело, вне всякого сомнения, с высшими, нам еще неизвестными проявлениями диалектики природы, человеческий мозг к ним пока не приспособлен, особенно мозг довольно рядового литератора, так что нечего тут напрягаться, а то, не дай Бог, пупок развяжется. Надлежит просто принять как данность: Никите Воронцову выпало много раз проходить мостами, "по яким нам бильше не ступаты...".

Тут Алексей Т. прервал приятеля. Он осведомился, случайно ли именно сегодня его угостили этой прекрасной песней.

Варахасий Щ. заверил, что это вышло совершенно случайно.

Тогда Алексей Т. запахнул халат, встал и заговорил. Он сказал, что не станет притворяться, будто странные подробности жизни Никиты Воронцова не произвели на него впечатления. Не собирается он отрицать и того обстоятельства, что гипотеза Варахасия Щ. поражает смелостью и необычностью. Будучи всего лишь довольно рядовым литератором, он, Алексей Т., готов тем не менее дать гарантию, что эта гипотеза вознесет следователя городской прокуратуры Варахасия Щ. на самую вершину научного Олимпа и усадит его там в аккурат между Эм Ломоносовым и А Эйнштейном.

С другой стороны (продолжал Алексей Т.), тщательное сопоставление всех данных позволяет выработать и гипотезу совершенно иного толка. Варахасий Щ. не станет притворяться, будто странные подробности жизни Никиты Воронцова нельзя сочинить для поражения приятелей и особенно студенточек-юристочек. Не будет Варахасий отрицать и того обстоятельства, что современным криминалистом ничего не стоит изготовить заплесневелую тетрадку и исписать в ней несколько страничек выцветшими чернилами. И как довольно рядовой, но все же литератор, он, Алексей Т., готов дать гарантию, что эта затея вознесет следователя городской прокуратуры Варахасия Щ. на какой-нибудь отрог литературного Олимпа и усадит его там в аккурат между Бэ Мюнхгаузеном и Кэ Прутковым.

Сказавши это, Алексей Т. сел, закинув ногу на ногу, и посмотрел на приятеля с наивозможнейшей снисходительностью.

Варахасий Щ. несколько раз задумчиво кивнул. Затем он сморщился и почесал за ухом. И затем он заговорил.

- Изложено недурно и убедительно, - произнес он. - Наличествует здоровая ирония. Неплох и слог. Особенно мне понравилось местечко между Мюнхгаузеном и Прутковым. А?

- Ну, это я преувеличил, - поспешно сказал Алексей. - В пылу полемики, так сказать. Они, конечно, до такой зауми не опускались.

- Зауми? - удивился Варахасий. - Видать, не знаешь ты, что такое настоящая заумь. Но вам бы все попроще бы. Как это ваш брат расписывает: "Васятка сунул ногу в отцовский сапог и загромыхал на двор. Аришка выпорхнула из отхожего места с визгом: "Го-го-го! Трактора ишшо гранулировать почву под озимые стартовали, а вы все чикаетесь!"

- Ломоносов! - огрызнулся Алексей Т.

- От такого слышу, - хладнокровно парировал Варахасий Щ. - Фэ Абрамов.

Приятель помолчал. Потом Алексей Т. сердито буркнул:

- Дай сюда дневник.

Он перебрал две-три страницы и углубился в чтение. Варахасий прибрал со стола и принялся мыть посуду.

- Чайник поставить? - спросил он.

Алексей не ответил.

- Чайник, говорю, поставить? - гаркнул Варахасий.

Тогда Алексей захлопнул дневник, бросил его на стол и крепко потер ладонями лицо.

- Сядь и послушай, - сказал он коротко.

Варахасий вернулся к столу, и Алексей, глядя поверх его головы припущими от бессонной ночи глазами, начал:

"ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ СКИТАЛЬЦЕМ ПО ВРЕМЕНИ Н.ВОРОНЦОВЫМ
ПИСАТЕЛЮ И ЖУРНАЛИСТУ АЛЕКСЕЮ Т.

- Скажите, что вы испытываете при воскрешении?
- Боль. А потом несколько дней тоску и ужас.
- Почему же тоску и ужас?
- Потому что всякий раз впереди война, вселенское злодейство, вселенские глупости, и через все это мне неминуемо предстоит пройти.
- Неминуемо? Всякий раз?
- Да. Это обстоятельства капитальные, они составляют непереносимый фон каждой жизни.
- А вы никогда не пытались их предотвращать? Кого-либо предупреждать, писать письма, выступать где-нибудь?
- Было когда-то. Очень давно, тысячу лет назад, должно быть. Помню уже довольно смутно. Нет, ничего не получалось. Приходилось даже кончать самоубийством. Один раз сгнил в концлагере. Три раза меня расстреляли, а однажды убили прямо на улице железными прутьями, минут десять убивали, было очень мучительно. "Ведь ясновидцев - впрочем, как и очевидцев, - во все века сжигали люди на кострах..." А я был в одном лице и ясновидец, и очевидец. Нет, что один человек ничего не может, это я всегда знал, но иногда просто не выдерживал.
- Понятно. Это об обстоятельствах, как вы выражаетесь, капитальных. Но в обычных, житейских... Я бы, например, если бы знал заранее, своего отца спас. Просто в тот день не выпустил бы его из дому, запер бы в квартире.
- Бесполезно. Житейские обстоятельства обычно в каждой жизни складываются по-разному. У вас с отцом что случилось?
- Попал под грузовик.
- Ну, а в другой жизни этот грузовик с вашим отцом не встретился бы. Либо минутой раньше проехал, либо позже, а то и вообще еще за месяц до того разбился бы и пошел в металлолом. Я в прошлой жизни на Верочке Корнеевой женился, а в этой встретился с нею, когда она уже замуж вышла и дочку родила.
- Но родинка у нее...
- А родинка, видимо, возникает из обстоятельств тоже капитального плана, разве что не политических.
- Простите, мы отвлеклись. Значит, в личном плане никого ни о чем нельзя предупредить, удержать от губительного, предотвратить несчастье?
- Бесполезно. Судите сами. Я предупреждаю Федю, мужа своей сестры Серафимы, что его убьют под Харьковом. Что же ему делать, дезертировать? Проситься на другой фронт? Пустить себе пулю в лоб назло предсказанию? Я уже не говорю о том, что его убивают под Харьковом только в последних пяти моих жизнях, а за двести лет до этого он регулярно умирал совсем другой смертью.
- Это, наверное, тяжелое бремя - бессильное знание.
- Правда. Порой я ощущаю его как невыносимое. Бывает, очень хочется умереть по-настоящему, как другие...
- Но ведь есть и радости в вашем положении!
- Да, конечно, и могу заверить, что никто из вас не радуется своим радостям так, как я своим.
- Если можно, расскажите подробно.
- Не буду я подробно. Все равно вы не поймете.
- Вино, любовь, путешествия?
- Это наслаждения, а не радости. Наслаждения у нас с вами одни и те же. Радости разные.
- Скажите, это не случайно, что вы перед смертью не уничтожили свой дневник?
- Нет. И не случайно, как я обставил свою смерть.
- Вы хотите сказать...
- Мой дневник должен был попасть в руки не к моей преподобной курице-племяннице, а к следователю городской прокуратуры Варахасию Щ.
- Благодарю вас. До встречи в нашей следующей жизни."

- Как это тебе? - произнес Алексей Т. самодовольно.

- Чрезвычайно неровный слог, - отозвался Варахасий Щ. - Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиною. Впрочем, все же се глас не мальчика, но мужа. Если бы ты почаще...

Бог знает, какой совет собирался дать Варахасий своему приятелю, но тут затренькал дверной звонок. Варахасий вышел в прихожую и вернулся, разворачивая телеграмму.

- "Доехали устроились благополучно, - прочитал он вслух, - целуем любимого мужа папочку Саша Глаша Даша".

Варахасий сладко зевнул и потянулся.

- Вот и прекрасно, - сказал он. - Пошли спать. Постелю тебе в кабинете, не возражаешь? Славно, однако, что сегодня не работать. И междусобойчик получился на славу, как ты находишь?

- На славу, - согласился Алексей.

Он тоже сладко зевнул и вдруг захлопнул рот, стукнув зубами. Он весь сотрясся.

- Знаешь, - произнес он хриплым шепотом, - по мне так лучше к чертям в ад, чем обратно...

Варахасий промолчал. Может быть, он не расслышал.